

ВЕКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Т. Г. Нефедова

Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 23.05.2024 г.
Принята к публикации 25.07.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3
© Нефедова Т. Г., 2024

Применен комплексный экономико-географический подход к исследованию обширной территории Европейской части России севернее Московской области, которую часто называют Ближним Севером. Новые вызовы требуют совершенствования Стратегии пространственного развития России. На примере макрорегиона показана возможность полимасштабного подхода к выявлению социально-экономических контрастов внутри регионов и взаимосвязанного развития их частей. Он включает рассмотрение тенденций динамики населения с 1990 по 2022 г., его миграций и занятости, инфраструктурного обустройства территории. Пространственный подход здесь особенно важен из-за природных различий внутри макрорегиона и пригородно-периферийных контрастов при повышенной роли центральных городов. Подробно рассмотрена восточная часть макрорегиона от Ярославской области до Кировской. Сжатие освоенного пространства и деградация некоторых необходимых условий жизни населения стали главными тенденциями постсоветского времени при организационных и экономических изменениях основных отраслей хозяйства. В статье показана специфика влияния региональных центров на территории разной степени удаленности от них. Особое внимание уделено изменению парадигмы сельскохозяйственного использования территории в новых институциональных и экономических условиях, усилению очаговости земледелия и последствиям концентрации животноводства. Работа основана на анализе статистической информации по муниципальным образованиям и опирается на активное использование карт. Выявление относительно успешных и наиболее проблемных территорий внутри столь обширного макрорегиона может помочь в разработке новых подходов к совершенствованию Стратегии пространственного развития России и ее регионов.

Ключевые слова:

пространственное развитие, муниципальный район, центры, периферия, миграции, занятость, сельское и лесное хозяйство

Постановка проблемы и предыдущие исследования

Одна из главных и повсеместных проблем России с ее огромным пространством и относительно редкой сетью больших городов — центр-периферийные социально-экономические различия [1]. Глубина этих различий часто недооценивается при

Для цитирования: Нефедова Т. Г. Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части России // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 42–61. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3

стратегических разработках развития России, в том числе и в принятой Стратегии пространственного развития страны и ее регионов до 2025 г.¹. Ее недостатки во многом связаны с вниманием преимущественно к регионам и крупным центрам и с отсутствием полимасштабного подхода к решению проблем [2]. Особенно это касается регионов с разнообразными и сложными природными условиями, сравнительно слабо заселенных, где влияние центров приводит к множеству типов взаимоотношений и проблем внутри регионов, определяющих развитие как центров, так и периферии. Помимо восточных регионов России к ним можно отнести и староосвоенные регионы Ближнего Севера Европейской части страны.

Под Ближним Севером России понимается обширная территория Нечерноземья, характеризующаяся в прошлом помимо лесохозяйственного не очень плотным, но сельскохозяйственным освоением и животноводством, а ныне на значительной части подверженная запустению, в том числе в результате депопуляции населения и свертывания ключевых видов деятельности. Именно сельскохозяйственное освоение еще в досоветское время и созданное в советский период сельское хозяйство отличают Ближний Север от Дальнего, где основой хозяйствования были и остаются использование полезных ископаемых и лесных ресурсов. Сам термин «Ближний Север России» был в свое время предложен и обоснован географами [3]. С определенной долей условности к нему можно отнести регионы севернее, северо-западнее и северо-восточнее Московской области от Псковской и Тверской областей до Вологодской и Кировской.

Ближний Север Европейской части России обладает колоссальным природным потенциалом — огромной территорией, лесными и водными ресурсами, относительно высоким биоразнообразием. Вместе с тем это весьма проблемный макрорегион с точки зрения хозяйственного «сжатия» в пространстве, депопуляции, социальной депрессии и эксклюзии сельского населения. Еще в советское время здесь сокращалась численность населения в сельской местности и все больше появлялось заброшенных домов. Колхозно-совхозное сельское хозяйство на большей части территории существовало за счет огромных дотаций. С уходом советских сельскохозяйственных и лесопромышленных предприятий, поддерживающих не только экономику регионов, но и инфраструктуру и занятость населения, уменьшение зон социальной и экономической активности ускорилося. Во многом это связано со сдвигом в современных рыночных условиях агропроизводства в более южные регионы с благоприятными для земледелия природными условиями, а также с трансформацией лесопромышленного комплекса. Все это стимулировало отъезд населения из сельской местности и малых городов [4; 5]. Появление новых технологий на сохранившихся предприятиях сельского и лесного хозяйства, требующих привлечения гораздо меньшего числа занятых, лишь усилило отток местного населения, тем более что центры областей, не говоря о Москве и Санкт-Петербурге, и в советское, и в постсоветское время притягивали население с окружающих территорий [6]. При этом лесоресурсные и экосистемные функции региона остаются важными. Отсутствие экономических механизмов лесовосстановления и «хищническое» в ряде мест лесопользование привели к значительному исчерпанию экономически доступных лесных ресурсов, а богатейший природно-экологический потенциал территории во многом не востребован [7]. Не менее важен и теряется накопленный культурный потенциал в этом староосвоенном регионе.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 01.03.2024).

В Стратегии пространственного развития России до 2025 г. предусматривалось ускорение экономического роста страны за счет развития перспективных центров¹. Наиболее перспективных центров с ежегодным экономическим ростом более 1 % в рассматриваемом регионе не оказалось. Тем не менее для большинства центров этого региона в Стратегии предполагался рост от 0,2 до 1,0 %. И только для Костромы и Кирова прогнозировался экономический рост <0,2 %. При этом макрорегион, концентрирующий 6,5 млн чел., характеризуется разреженным и очень контрастным социально-экономическим пространством, высокой и усиливающейся концентрацией населения именно в центрах регионов, недостаточной транспортной связанностью и в целом существенными инфраструктурными ограничениями. В макрорегионе со столь высокой ролью центральных мест во все более разреженном социально-экономическом пространстве [8; 9] особенно важен географический подход, выявляющий наиболее проблемные территории. Неоднократно поднимался вопрос о том, что процессы «социального опустынивания» за пределами региональных центров необходимо если не остановить, то хотя бы добиться «регулируемого сжатия» [3; 10].

Несмотря на относительную компактность макрорегиона, для него характерно большое разнообразие внутренних проблем. В данной статье рассматривается восточная часть Ближнего Севера от Ярославской области через Костромскую, Вологодскую до Кировской. Сильная социально-экономическая контрастность этой территории на муниципальном уровне требует комплексного географического исследования разных показателей и процессов — от степени освоенности территории до миграций населения и экономики в их взаимодействии. Статья носит рекогносцировочный характер, выявляя лишь некоторые ключевые проблемы пространственного развития на муниципальном уровне, анализ и определение путей решения которых нуждаются в дальнейшем изучении.

Главной современной проблемой российского Нечерноземья остается сильная сельская депопуляция, устойчивый отток в города молодого и активного населения, забрасывание деревень [11]. Для Тверской, Ярославской, Вологодской областей эти аспекты подробно рассматривались на разных масштабных уровнях [12—15]. Тем не менее эти процессы не уникальны для исследуемых регионов и даже для России. В XX в. они наблюдались и во многих странах Европы. Однако есть основания считать, что урбанизация в России не завершена [16]. Концентрация населения в крупных городах и их пригородах продолжается [17—19]. В сочетании со сравнительно редкой сетью больших городов, особенно характерной для макрорегиона Ближнего Севера, это ведет к опустошению огромных территорий, тем более что помимо собственных региональных центров южнее и северо-западнее макрорегиона расположены самые «мощные насосы», вытягивающие из него население, — Москва и Санкт-Петербург. Это породило и продолжает усиливать контрасты между центрами и периферией регионов, хотя появляются и отдельные «точки роста» на удалении от крупных центров, пока еще редкие, благодаря процессам «производства нового социального пространства» на основе собственных ресурсов или с помощью пришлого населения [20; 21]. В последние десятилетия все более очевидны и временные возвратные, в том числе дачные, миграции между городами, особенно большими, и сельской местностью, наиболее явные вблизи Москвы и Санкт-Петербурга, но характерные и для регионов Ближнего Севера [22; 23].

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, Приложение 2, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 01.03.2024).

Рассматриваемые регионы часто позиционируются и в научной литературе, и в общественном мнении как зона социально-экономической депрессии со сжимающимися сельскохозяйственными землями, забрасывание которых часто воспринимается как трагедия. И действительно, из оборота выпало от половины обрабатываемых земель в Вологодской и Кировской областях до 70 % — в Костромской области. Это в первую очередь земли с пониженным плодородием и удаленные от городов [24; 25]. При этом идущие параллельно процессы концентрации агропроизводства [26] во многом компенсируют снабжение продовольствием городов и районов. В то же время происходит спонтанное зарастание заброшенных земель низкопродуктивными и пожароопасными лесами. Переход от экстенсивного к интенсивному лесопользованию может стать выходом для таких районов по аналогии с Финляндией и Швецией с учетом потенциала лесов, выросших на заброшенных землях сельскохозяйственного назначения¹.

Материалы и методы исследования

В статье на примере четырех регионов восточной части Ближнего Севера (Ярославской, Костромской, Вологодской и Кировской областей) рассмотрены социально-экономические изменения с 1990 по 2022 г. и современные пространственные природные и социально-экономические контрасты территории. Основой исследования послужила официальная статистика по муниципальным образованиям Федеральной службы государственной статистики (Росстат) России². Использовались данные по муниципальным районам и муниципальным округам (включая небольшие города), отражающие плотность всего и сельского населения, разные виды его миграций, инфраструктурное обустройство территории, занятость населения в лесном и сельском хозяйстве, уровень зарплат на предприятиях, а также некоторые индикаторы трансформации агропроизводства: изменение посевных площадей, поголовья скота, степени концентрации животноводства и др. Городские округа рассматривались отдельно³, как единицы, влияющие на муниципальные округа и районы. При этом исследование опиралось на опыт автора в многолетнем изучении некоторых регионов. Составление карт в разрезе муниципальных районов и графиков, показывающих изменение природных и социально-экономических показателей от центра к периферии и в разных природных условиях, позволило наглядно представить современные внутренние контрасты регионов и их изменение.

Результаты исследования

Специфика влияния природных различий и больших городов

Основные векторы организации пространства регионов Ближнего Севера и его изменений за 30 лет, как и многих регионов Нечерноземья, можно с определенной долей условности связать с природными предпосылками и удаленностью от боль-

¹ Шварц, Е. 2023, Нацпроект — темный лес, *Коммерсант*, №203, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6310324> (дата обращения: 01.03.2024).

² База данных показателей муниципальных образований, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 01.03.2024) ; База данных №2021621439 «Староосвоенные районы Европейской России и Урала» / Т.Г. Нефедова, А.В. Старикова, А.И. Трейвиш, А.В. Шелудков, Институт географии РАН, 2021.

³ Городские округа Мантурово (Костромская область) и Переславль-Залесский (Ярославская область), образованные из муниципальных районов в 2019 г., со сравнительно небольшими городами, большой площадью и долей сельского населения рассматривались в сравнении с муниципальными районами своих областей.

ших городов [5]. Индикатором природных условий, в том числе и для сельского хозяйства, которое играло существенную роль в поддержании сельской местности и снабжении городов продовольствием в досоветское, советское время и продолжает ее играть, хотя и иначе, в современных условиях служат различия биоклиматического потенциала (многолетних значений суммы температур выше 10°C и сочетания осадков и испарения). На рисунке 1 хорошо видны эти различия между югом и севером макрорегиона, хотя и не всегда они имеют строго широтное направление.

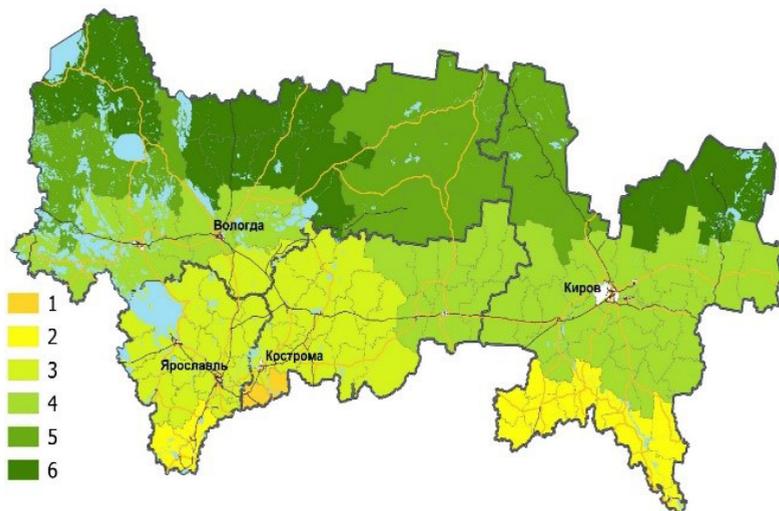

Рис. 1. Биоклиматический потенциал по сочетанию суммы температур свыше 10°C и увлажнения, где 1 — наиболее благоприятный, 6 — наиболее неблагоприятный¹

Влияние больших городов, особенно центров регионов, на сельскую местность наиболее явно сказывается на пригородах, то есть примыкающих к ним муниципальных районах, но не только. Условность карты на рисунке 2 состоит в том, что степень влияния на окружающую территорию зависит от численности населения центра региона, плотности сельского населения, а также особенностей и конфигурации муниципального деления каждого региона. Но так или иначе степень влияния, как правило, уменьшается от пригорода региональной столицы к периферии региона [11], формируя в данном макрорегионе обширные зоны, удаленные от всех центров. Сами центры тоже различаются: от крупнейшего Ярославля (рис. 3), влияние которого усиливается сравнительной близостью к Москве, до слабейшего — Костромы. Ярославская область имеет второй большой город, правда заметно теряющий население, — Рыбинск (184 тыс. жителей). Влияние Вологды усиливает недалеко расположенный, примерно равный ей по численности населения и весьма устойчивый по динамике населения Череповец (300 тыс. жителей), поэтому к пригородной зоне отнесен не только Вологодский район, но и Череповецкий. Малые и средние города в регионе катастрофически теряют население и формируют, как правило, локальные зоны влияния. Тем не менее 17 малых и средних городов Кировской области с их суммарным населением в 380 тыс. чел. в 2022 г. (в 2002 г.

¹ Наиболее благоприятными (1) считались природные условия с суммой температур вегетационного периода 2075°C и превышением осадков над испарением 1,2; менее благоприятные (2) — соответственно 1950 и 1,1, еще менее (3) — 1850 и 1,2; (4) — 1775—1750 и 1,2; (5) — 1550—1575 и 1,3; наименее благоприятными (6) — 1450—1475 и 1,3 (холодные и переувлажненные).

численность их населения достигала 620 тыс. чел.) формируют определенный каркас территории. Самая сложная ситуация отмечается в Костромской области, территория которой вытянута к северо-востоку, а 11 малых городов имеют суммарное население 150 тыс. чел. (217 тыс. в 2002 г.).

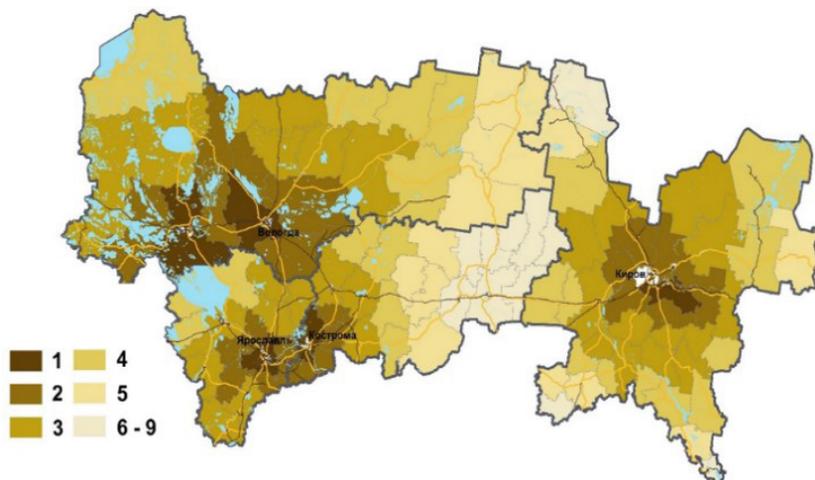

Рис. 2. Пригородно-периферийные различия: 1 — пригороды — муниципальные районы, примыкающие к областным центрам; 2—9 — районы-соседи центра второго и последующих порядков (5—9 — дальняя периферия регионов)

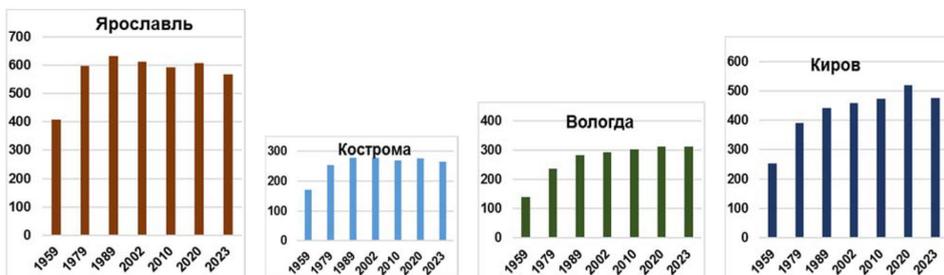

Рис. 3. Численность населения центров регионов с 1959 по 2023 г., тыс. чел. (по материалам переписей населения и данным текущей статистики)

Внутрирегиональные социально-экономические контрасты регионов

Влияние городов сказывается прежде всего на обустройстве территории и плотности сельского населения. Например, в Ярославской области (см. подробнее [14]) плотность автодорог, особенно асфальтированных, заметно уменьшается от пригорода к периферии (рис. 4, а). Плотность сельского населения максимальная также в пригороде Ярославля (рис. 4, б). При этом пригородный район привлекателен для всех категорий мигрантов, в том числе межрегиональных (рис. 4, в). В результате только в пригородном Ярославском районе численность населения за 2018—2022 гг. благодаря миграциям увеличилась на 10 %, несмотря на то, что во всех районах области (включая пригороды) смертность выше рождаемости.

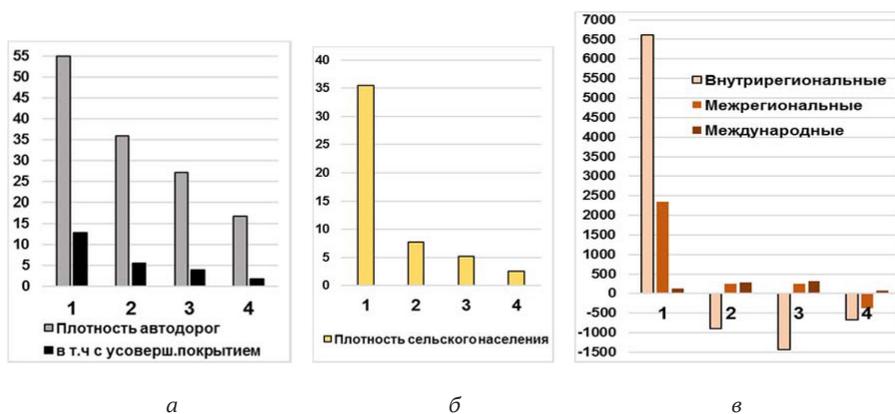

Рис. 4. Внутрирегиональные контрасты Ярославской области от пригорода (1) к периферии (4): а — плотность автодорог, 2022 г., км/км²; б — плотность сельского населения, 2022 г., чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

В Костромской области контрасты в обустроенности территории еще более сильные (рис. 5, а). Плотность населения в пригородном Костромском районе продолжает оставаться наивысшей (рис. 5, б), хотя он уже не привлекателен для мигрантов даже из своего региона, только для международных (рис. 5, в). Вместе с естественной убылью населения это обуславливает уменьшение численности населения даже в пригородах. Особенно сильно плотность населения снижается, начиная с районов третьего порядка соседства к областному центру и далее. Даже лучше дренируемые и более плодородные почвы на востоке и северо-востоке области, для которых прежде было характерно увеличение плотности населения, в настоящее время удержать сельских жителей уже не могут [5, с. 224—236].

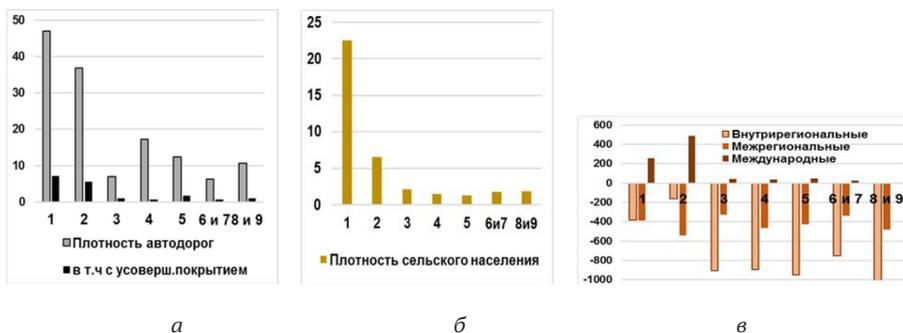

Рис. 5. Внутрирегиональные контрасты Костромской области от пригорода (1) к периферии (4—9): а — плотность автодорог, км/км²; б — плотность сельского населения, чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

В Вологодской области два равновеликих по численности населения центра формируют обширную зону влияния (рис. 2), привлекательную для внутрирегиональных мигрантов (рис. 6, в), что приводит к усилению концентрации населения не только в центрах, но и в пригородах Вологды и Череповца (рис. 6, б), хотя и не такой сильной, как в двух предыдущих регионах. При этом естественная убыль настолько велика, что численность населения уменьшается даже в пригородах, не говоря уже об остальной территории области. Обустройство территории даже пригородов оставляет желать лучшего (рис. 6, а).

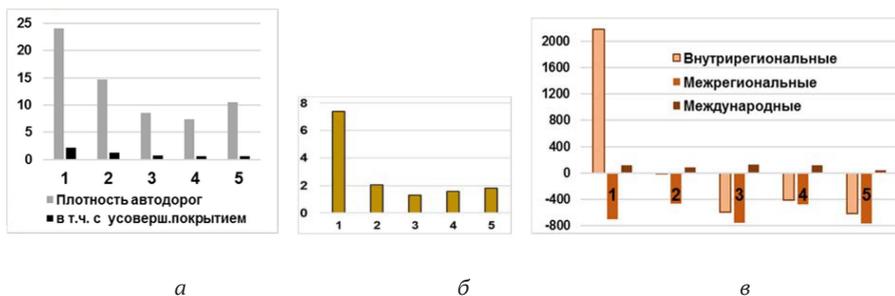

Рис. 6. Внутрирегиональные контрасты Вологодской области от пригорода (1) к периферии (5): а — плотность автодорог, км/км²; б — плотность сельского населения, чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

Похожая ситуация складывается и в Кировской области (рис. 7), хотя в ней наблюдаются заметные различия между северными районами и южными с более благоприятными природными условиями (рис. 2). В южной половине области и плотность населения, и плотность автодорог выше. Тем не менее все виды миграций с отрицательным сальдо, кроме пригородов, и даже южные муниципальные районы области за последние 5 лет потеряли за счет естественной убыли и миграционного оттока 10 % населения.

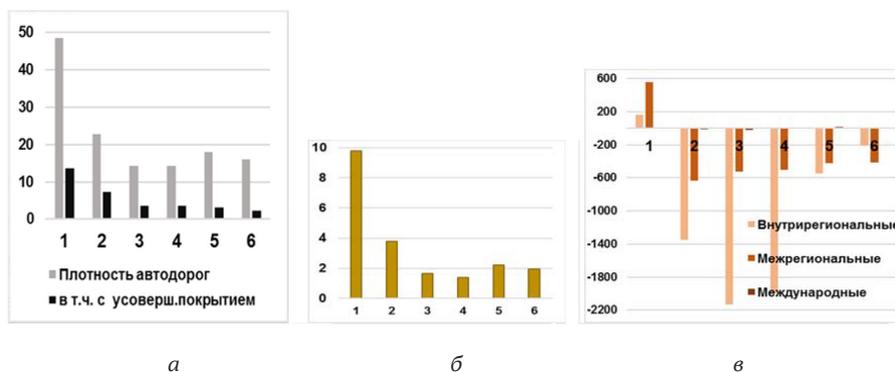

Рис. 7. Внутрирегиональные контрасты Кировской области от пригорода (1) к периферии (6): а — плотность автодорог, км/км²; б — плотность сельского населения, чел./км²; в — сальдо миграций населения, сумма за 2018—2022 гг., чел.

Рассчитано по данным Росстата по муниципальным единицам.

Сумма миграционного оттока и естественной убыли населения в результате превышения смертности над рождаемостью за 2018—2022 гг. показывает реальное сжатие социального пространства макрорегиона. Это сжатие характерно практически для всей территории за пределами пригорода Ярославля. Однако максимально оно в окраинных районах Кировской и Костромской областей, даже при относительно благоприятных природных предпосылках (сельскохозяйственный юг Кировской области, а также прежде более плотно заселенные ополья северо-востока Костромской области). Масштабы этих потерь наиболее наглядны при расчете на 1000 жителей (рис. 8). Так, окраинные районы Кировской и Костромской областей за 5 лет потеряли каждого четвертого-шестого жителя, что позволяет представить скорость дальнейших процессов опустошения территории. В Ярославской области наиболее неблагоприятны ее северо-западные окраины. Вологодская область отличается гораздо меньшими масштабами и контрастами в целом, хотя убыль населения характерна для всех районов.

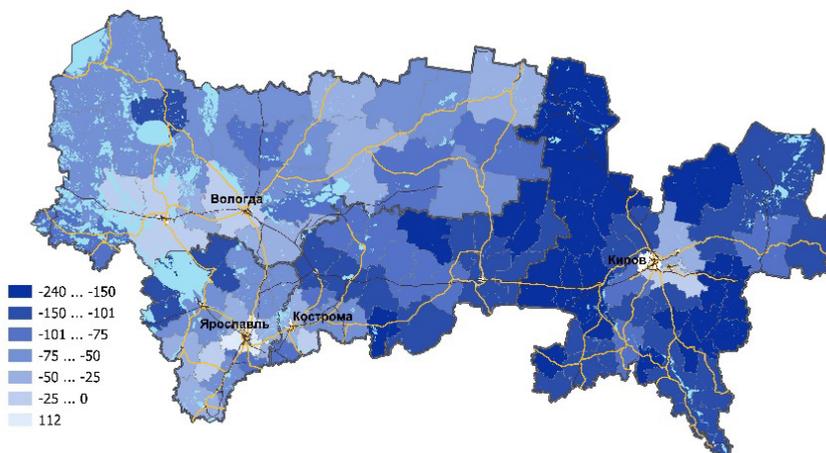

Рис. 8. Сумма миграционного оттока и естественной убыли населения за 2018—2022 гг. на 1000 чел. населения муниципальных районов, чел.

Рассчитано по данным Росстата.

Миграционное поведение населения вне центров регионов зависит от множества факторов: различий в условиях жизни, возможности найти работу, пространственных контрастов в уровне заработной платы и др. Индикаторами условий жизни населения помимо плотности и качества автодорог (рис. 4—7) может служить и показатель наличия трубопроводного газа и водоснабжения в сельских и даже малых городских поселениях. Например, по данным Росстата, даже в Ярославской области в пригородном районе 70 % сельских населенных пунктов не имеют трубопроводного газа, а на севере области их доля достигает 95 %. Централизованным водоснабжением не обеспечено от 80 до 95 % населенных пунктов. В пригороде Костромы ситуация лучше — половина сельских населенных пунктов имеет трубопроводный газ и водопровод. Однако начиная с муниципальных районов — соседей Костромы 3—4-го и последующих порядков — доля сел и деревень с трубопроводным газом падает до 0 %, а с водопроводным водоснабжением — до 20 %. Исключение составляет лишь Шарья — второй по численности населения город и важный лесопромышленный центр на востоке области и ее окрестности.

Но главными стимулами отъезда населения, особенно в постсоветское время, служили отсутствие работы и зарплата, разница в уровне средних зарплат в областных центрах и в остальных муниципалитетах. Наибольшие контрасты в уровне заработных плат характерны для Кировской области: между столицей — мощным и усилившимся в последние годы машиностроительным центром, включая ВПК, и остальными муниципальными районами области. Только в пригородах она достигает 50 % от уровня центра, а в остальных районах колеблется от 38 до 48 %. В результате население Кирова в последнее время растет (только в 2022 г. оно увеличилось на 0,8 % — на 4,4 тыс. чел.). Современная Кострома — один из слабейших региональных центров рассматриваемого макрорегиона с более низкими заработными платами в городе, тем не менее она все равно выделяется на фоне муниципалитетов области, зарплата в которых колеблется на уровне 50—67 % к областному центру. Исключение представляют Красносельский район с его специализацией на производстве золотых изделий и Галичский район с мощным животноводческим комплексом. В самой Костроме население продолжает сокращаться (–1,6 тыс. в 2022 г.). Зарплаты в муниципалитетах Вологодской области более ровные, в том числе благодаря устойчивости лесопромышленного комплекса, и колеблются от 60 до 90 % к областному центру, а в Череповецком районе выше, чем в Вологодском. В Ярославской области средние по муниципальным образованиям зарплаты по сравнению с центром региона также в целом ровнее, разброс значений от 63 % к областному центру в северном Пошехонском районе до 94 % в Рыбинском. В пригородном районе — даже выше, чем в Ярославле (106 % от уровня центра). В самом Ярославле с населением в 571 тыс. жителей наблюдается небольшой миграционный отток (–0,2 %), связанный и с процессами субурбанизации.

Постсоветская трансформация фоновых отраслей экономики

Потеря работы при отсутствии альтернативных сфер занятости за пределами больших городов и низкие заработные платы служат важным триггером отъезда населения. Накопленные в советское время проблемы Нечерноземья [4], резкое снижение с 1990-х гг. огромных дотаций сельскому хозяйству и переход к рыночным отношениям привели к сильному сжатию сельскохозяйственного землепользования и существенному уменьшению поголовья скота во всех рассматриваемых регионах (рис. 9). При этом изменились технологии животноводства, что привело к сильной территориальной концентрации поголовья скота и птицы на крупных предприятиях часто в рамках агро-промышленных комплексов (рис. 10). В результате большая часть скота, свиней и птицы вместо относительно равномерного прежде по муниципальным районам распределения в колхозах и совхозах сконцентрировалась в отдельных очагах. Так, если в 1990 г. в 20 % муниципальных районов (обычно это два или три района в области) было сосредоточено 30—35 % поголовья крупного рогатого скота (КРС), то к 2022 г. уже 60—70 % поголовья КРС было сконцентрировано в 20 % районов (рис. 11). Чаще это пригородные территории и места дислокации крупных животноводческих комплексов. Посевные площади тоже сжались в небольшие очаги: ближе к Ростову и Ярославлю, вокруг Вологды и Череповца, на юго-западе Костромской области, а в Кировской помимо районов, окружающих столицу региона, — в более благоприятных по природным условиям южных районах (рис. 12).

Последствием этих процессов стало массовое сокращение занятости в сельском хозяйстве на предприятиях. Рабочие места сохранились, а порой и расширились (хотя и не сильно из-за автоматизации производства) главным образом в районах, где расположены крупные агрохолдинги. Правда, последние на неквалифицированную работу часто предпочитают нанимать мигрантов из стран СНГ.

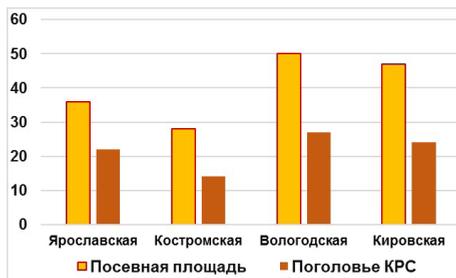

Рис. 9. Динамика посевной площади и поголовья крупного рогатого скота, 2022 г., % к 1990 г.

Рассчитано по данным Росстата.

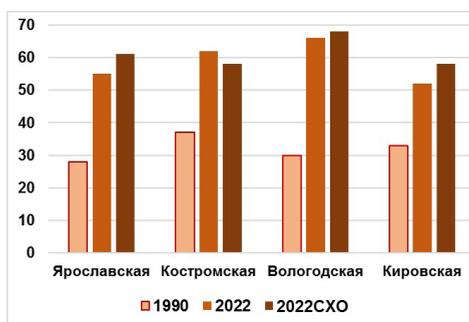

Рис. 10. Концентрация животноводства, % поголовья крупного рогатого скота в 20% муниципальных районов в 1990 и 2022 гг., всего и в сельскохозяйственных организациях (СХО) в 2022 г.

Рассчитано по данным Росстата.

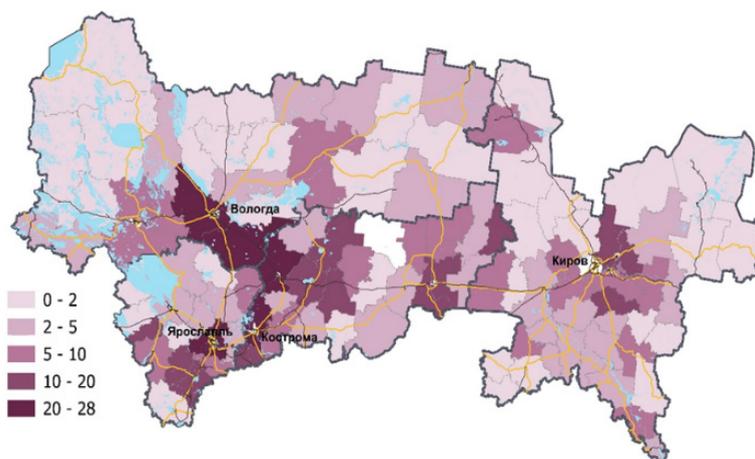

Рис. 11. Доля муниципальных районов в общем поголовье крупного рогатого скота по муниципальным образованиям в 2022 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

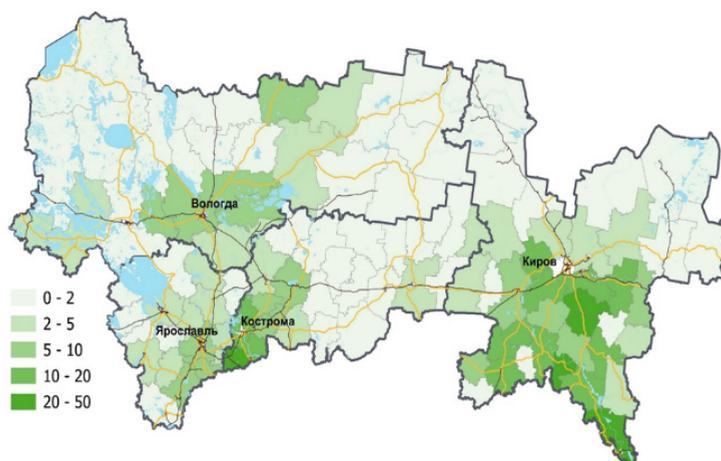

Рис. 12. Доля посевной площади в общей площади территории муниципальных районов в 2022 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

Во всех рассматриваемых областях доля посевной площади в общей площади территории резко сократилась и продолжает уменьшаться при удалении от пригородов к периферии регионов. Максимальные потери за постсоветские годы произошли именно в удаленных от центров районах. Исключение составляет лишь Кировская область, где пока относительно благополучными сельскохозяйственными районами остаются южные. Тем не менее резкие контрасты в уровне жизни между региональным центром и периферией, в том числе и южной, и уменьшение численности сельского населения вызывают вопросы об устойчивости агропроизводства даже в районах с наиболее благоприятными природными условиями.

Во многих районах, особенно в Вологодской, Кировской и Костромской областях, лес оставался одним из основных ресурсов экономики и сфер занятости населения вне региональных центров. Однако после трансформации советских леспромпхозов и забрасывания части лесных дорог доступность лесов уменьшилась и лесозаготовки сместились к транспортным магистралям. Для лесной промышленности также характерно усиление концентрации на мощных лесоперерабатывающих предприятиях, которые предпочитают заготавливать древесину в более транспортно доступных зонах, чем в советское время. Это сказалось и на численности населения удаленных лесных поселков. Переход на аренду лесов и применение при лесозаготовках современной техники, требующей гораздо меньше персонала и его специального обучения [27], также привели к уменьшению занятости населения. Ее сокращение в лесном хозяйстве было связано и с изменениями Лесного кодекса, который резко урезал численность лесников и других служб охраны лесов.

В результате доля занятых в сельском и лесном хозяйстве — прежде основных помимо социальной сферах занятости вне больших городов в этом макрорегионе — в постсоветское время резко уменьшилась и в большинстве районов за пределами зон влияния крупных агрохолдингов и лесозаготовительных предприятий составляет менее 10—15% (рис. 13).

Однако и другие виды занятости населения претерпели существенные изменения, что стало дополнительным триггером отъезда населения. Это связано прежде всего с общероссийской программой укрупнения муниципальных образований

[28]. Несмотря на «благие цели» муниципальной реформы для выравнивания доходов и обеспечения бюджетных обязательств, ее последствия для динамики населения стали катастрофическими, особенно в таких сравнительно малонаселенных регионах, как Ближний Север. Например, число низовых единиц управления в Ярославской области с 2000 по 2020 г. сократилось в 3,4 раза, в Костромской области — в 2,5 раза [29]. Реформа привела к массовому сокращению («оптимизации») работников администраций, а также школ, больниц, ФАПов, клубов и т. п. и, следовательно, к сжатию числа рабочих мест в сельской местности и в социальной сфере и их концентрации в более крупных населенных пунктах. Это вместе с резким недостатком и плохим качеством дорог (помимо федеральных и основных региональных трасс) стимулировало отъезд не только молодежи и семей с детьми, но и пожилого населения в большие города.

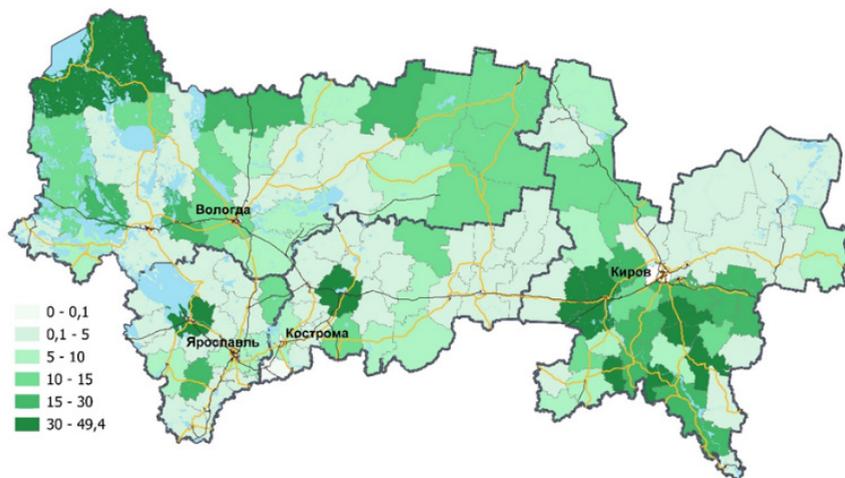

Рис. 13. Доля занятых в сельском и лесном хозяйстве в общем числе занятых по муниципальным образованиям, 2022 г., %

Рассчитано по данным Росстата.

При существенных потерях трудоспособного населения активизация мелкого частного хозяйства также проблематична. В удаленных и более северных районах она связана с небольшими лесозаготовительными частными компаниями, сдающими древесину крупным переработчикам, например на комбинат SWISS KRONO на востоке Костромской области, производящий древесно-стружечные плиты и не предъявляющий повышенных требований к сырью. Помимо собственных лесозаготовок компания принимает некондиционную древесину и от мелких лесозаготовителей. Небольшие частные компании заготавливают и дрова для населения при отсутствии централизованного отопления.

Доля хозяйств населения в производстве продовольствия и фермерских хозяйств в целом мала, хотя и увеличивается от пригородов к периферии регионов (в том числе в целях выживания). В советское время личным подсобным хозяйствам помогали колхозы, также обеспечивая кормами [11]. Сейчас все зависит от человеческого капитала, прежде всего от возраста оставшегося населения и его желания жить в деревне.

Однако есть районы, где исторически сложилось мощное частное хозяйство (как правило, на ареалах более плодородных почв среди лесов), которое так или иначе поддерживается и в настоящее время: в Ростовском районе Ярославской области на сапропелях озера Неро, в Вохомском и Боговаровском районах на востоке Ко-

стромской области на лучше дренируемых почвах, на юге Кировской области и др. Тем не менее наиболее заметный рост доли мелкого частного хозяйства характерен лишь для районов, лучше сохранивших население или существенно «отрезанных» от активной жизни. Но есть и отклонения от типичных процессов трансформации частного хозяйства. Часто это связано с переездом в ту или иную местность городского населения, готового реализовать себя в новых сельских условиях. По сравнению с массовым отъездом из сельской местности в города это «капля в море», но весьма заметная в медийном мире. Примерами могут служить Большесельский район Ярославской области, где сформировалась целая община бывших городских жителей, Тарногский район Вологодской области [20]. Эти примеры показывают спонтанно возникающие новые способы приспособления городского населения к условиям местности и весьма интересны для изучения.

Предпринимаются и государственные меры по поддержке периферийных территорий и улучшению условий жизни в сельской местности. В рамках федеральной программы «Комплексное развитие сельских территорий до 2031 г.» Минсельхоз РФ предложил реализовать во всей стране в 2022—2025 гг. 397 проектов, включающих «ввод распределительных газовых сетей и подключение к газоснабжению, ввод централизованных сетей водоснабжения, улучшение условий образования, получение первичной медицинской помощи, получение культурно-досуговых услуг». Однако охватывают эти проекты лишь 0,8—1,2 % сельского населения в год и касаются прежде всего районов, сохранивших население.

Особый тип освоения удаленных сельских территорий связан с временным дачным использованием горожанами сельских домов. При этом речь идет не только и не столько о садовых и дачных товариществах в пригородах, формирующих обширные, плотно населенные летом одно-, двухэтажные «полугорода» вокруг областных и прочих городских центров, а также в муниципальных районах, примыкающих к Московской области (Переславский, Угличский). В последние десятилетия существенную роль в «оживлении» в летний сезон регионов Ближнего Севера, особенно на небольшом удалении от основных транспортных магистралей, играют дальние дачи москвичей и жителей других больших городов, готовых покупать дома в деревнях за 500—600 км от Москвы и проводить там от нескольких недель до нескольких месяцев в летний сезон [22]. Надежность и длительность такого использования остается под вопросом, но «тлеющую» жизнь небольших деревень горожане поддерживают, предлагая работу местным жителям по обустройству домов и участков, покупая у них продукты личного подсобного хозяйства и в целом создавая, хотя и сезонно, более активную социальную среду [3; 30].

Заключение

В таких районах, как Ближний Север России, поиск оптимальных путей использования природного и уменьшающегося за пределами больших городов и пригородов человеческого капитала является важной научной и практической задачей, в том числе при разработке и дополнении Стратегии пространственного развития России, тем более что есть поручение премьер-министра РФ разработать ее новую концепцию. В Стратегии необходимо отражение не только разных форм территориальной организации общества и экономики, но и понимание взаимосвязи между разными типами территориальных единиц в разных масштабах [2].

Главное — это учет не только межрегиональных, но и внутрирегиональных контрастов территорий, причем отличающихся в различных частях страны. Основные задачи развития регионов Ближнего Севера со сжимающимися расселением и концентрацией экономики связаны с приспособлением к новым социальным и эко-

номическим реалиям. Соответственно, в Стратегии пространственного развития этих регионов должны быть ответы на сложные вопросы. Можно ли при стремлении населения в центры найти пути затормозить или приостановить сжатие освоенного пространства? Как сохранить необходимые для современных потребностей населения условия жизни и работы в малых городах и сельской местности, чтобы большие города со своим накопленным экономическим, демографическим и культурным потенциалом не остались в результате в этих районах «соборами в пустыне»? Представленные в статье тенденции социально-экономических изменений в пространственном измерении и выявление муниципальных районов как с удачным решением насущных задач, так и с наиболее острыми социально-экономическими проблемами — это лишь один из первых шагов исследования на этом пути. Анализ разных сочетаний природного, человеческого и экономического капиталов в разных муниципальных районах показал различные примеры современной адаптации населения и экономики регионов Ближнего Севера к новым социально-экономическим реалиям. Современный бизнес и население при наличии общих закономерностей все-таки по-разному в разных регионах реагируют на изменения последних десятилетий. Так, Вологодская область, более северная, чем Костромская, лучше сохранила население и рабочие места.

Приведенные примеры требуют более глубокого научного анализа, который позволит выявить специфику регионов, их социальные, экономические и географические различия и наиболее насущные проблемы, что важно для формулирования пожеланий к органам государственного управления различных уровней, включая муниципальный и поселенческий, по территориально дифференцированным мерам финансовой (бюджетной), организационной, инфраструктурной, в том числе транспортной, поддержки. Отметим, что озвучиваемые прикладные программы «восстановления сельских поселений» или «возвращения в оборот утраченных сельскохозяйственных угодий» на этих территориях чаще всего выдвигаются в политическом поле и строятся преимущественно на воспроизводстве существовавших в прошлом экономической базы и человеческого капитала, что нереализуемо в современных условиях. В данной статье предложен подход к сравнительному анализу разных муниципальных единиц с учетом внешних предпосылок и накопленных внутренних проблем и возможностей, к определению роли каждого муниципального района в общей системе взаимоотношений. Это поможет разработке диверсифицированных, научно обоснованных решений, учитывающих географическое положение, природные, экономические и социальные условия и ограничения развития тех или иных территорий в сравнении с другими.

Исследование выполнено в Институте географии РАН при финансовой поддержке проекта Российского научного фонда № 24-17-00129 «Перспективы социально-экономического и природосберегающего развития Ближнего Севера России».

Список литературы

1. Лейзерович, Е. Е. 2008, *Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года, Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ)*, М., МАРС, с. 173—181. EDN: TJWXOI
2. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2024, *Стратегия пространственного развития России: векторы обновления*, *Географический вестник*, № 1, с. 15—26. EDN: IVYTNO
3. Покровский, Н. Е., Нефедова, Т. Г. (ред.). 2016, *Ойкумена Ближнего Севера России*, М., Университетская книга. EDN: ZUYFTB

4. Нефедова, Т. Г. 2019, Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства Европейской части России, *Пространственная экономика*, т. 15, № 4, с. 36—56, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
5. Нефедова, Т. Г., Старикова, А. В. (ред.). 2021, *Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность*, М., Товарищество научных изданий КМК.
6. Дружинин, П. В. 2022, Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа, *Пространственная экономика*, т. 18, № 3, с. 115—140, <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
7. Шварц, Е. А., Шматов, Н. М., Карпачевский, М. Л., Байбар, А. С. 2022, Вызовы и проблемы реформирования лесного хозяйства России, *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*, № 241, с. 157—172. EDN: SVWNKT
8. Мкртчян, Н. В., Карачурина, Л. Б. 2014, Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы, *Балтийский регион*, № 2, с. 62—80, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-4>
9. Толстогузов, О. В. 2022, Структурные изменения экономики регионов Северо-Запада России: институциональный фактор, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 56—74, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-4>
10. Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И. 2020, Поляризация и сжатие освоенного пространства в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения, *Демографическое обозрение*, т. 7, № 2, с. 31—53, <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
11. Иоффе, Г. В., Нефедова, Т. Г. 2001, Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов, *Проблемы прогнозирования*, № 6, с. 100—110. EDN: HRTOVВ
12. Румянцев, И. Н., Смирнова, А. А., Ткаченко, А. А. 2019, Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 1, с. 29—27. EDN: YZNKWT
13. Ткаченко, А. А., Смирнов, И. П., Смирнова, А. А. 2019, Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 2, с. 78—85.
14. Аверкиева, К. В., Нефедова, Т. Г., Кондакова, Т. Ю. 2021, Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области, *Мир России*, т. 30, № 1, с. 49—66, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-49-66>
15. Попов, А. В., Соловьева, Т. С., Короленко, А. В., Груздева, М. А. (ред.). 2024, *Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий*, Вологда, ФГБУН ВолНЦ РАН.
16. Nefedova, T. G., Treivish, A. I. 2019, Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 9, № 1, p. 1—11, <https://doi.org/10.1134/S2079970519010088>
17. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2016, Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 46—59, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
18. Мкртчян, Н. В. 2019, Миграции в сельской местности России: территориальные различия, *Население и экономика*, т. 3, № 1, с. 39—52, <https://doi.org/10.3897/popeco.3.e34780>
19. Мкртчян, Н. В. 2018, Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 6, с. 26—38, <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
20. Аверкиева, К. В. 2017, Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области, *Крестьяноведение*, т. 2, № 4, с. 86—106, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2017-2-4-86-106>
21. Гунько, М. С., Пивовар, Г. А., Аверкиева, К. В. 2019, Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова), *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 18—31, <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019518-31>
22. Нефедова, Т. Г., Аверкиева, К. В., Махрова, А. Г. (ред.). 2016, *Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*, М., Новый Хронограф.
23. Sheludkov, A., Starikova, A. 2021, Night-time light satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast), *Regional Science Policy and Practice*, vol. 44, № 4, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>

24. Meyfroidt, P., Schierhorn, F., Prishchepov, A., Müller, D., Kuemmerle, T. 2016, Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan, *Global Environmental Change*, vol. 37, p. 1–15, <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.01.003>

25. Medvedev, A. A. 2022, The Fields and Farms of Central Russia as Seen from Space, *Regional Research of Russia*, vol. 12, suppl. 1, p. S65–S73, <https://doi.org/10.1134/S2079970522700344>

26. Узун, В. Я., Шагайда, Н. И., Гатаулина, Е. А., Шишкина, Е. А. 2022, *Холдингизация агробизнеса России*, М., Издательский дом ДЕЛО. EDN: LRJRSF

27. Беляева, М. 2024. *Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине*, М., Common Place. Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 192 с.

28. Глезер, О. Б. 2016, Непрерывающаяся муниципальная реформа в России и новации 2014–2015 гг., *Россия 2016: Ежегодный доклад франко-российского аналитического центра Обсерво*, М., Обсерво, с. 373–386. EDN: WYTPJF

29. Трейвиш, А. И., Глезер, О. Б., Нефедова, Т. Г. 2021, Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы, *Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность*, М., Товарищество научных изданий КМК, с. 68–77.

30. Нефедова, Т. Г., Баскин, Л. М., Покровский, Н. Е. 2021, Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области), *Социологические исследования*, № 12, с. 124–134, <https://doi.org/10.31857/S013216250016852-0>

Об авторе

Нефедова Татьяна Григорьевна, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: trene12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6511-1938>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TRAJECTORIES AND PROBLEMS OF THE CURRENT SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA'S EUROPEAN NEAR NORTH REGIONS

T. G. Nefedova

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny Ln., Moscow, 119017, Russia

Received 23 May 2024

Accepted 25 July 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3

© Nefedova, T.G., 2024

This article employs a comprehensive economic and geographical approach to examine the extensive European segment of Russia that extends north of the Moscow region – the area commonly known as Blizhny Sever (Near North). New challenges require an improvement of Russia's spatial development strategy. The case of the region is used to illustrate the possibility of a multiscale approach to identifying socioeconomic contrasts within regions

To cite this article: Nefedova, T. G. 2024, Trajectories and problems of the current spatial development of Russia's European Near North regions, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 42–61. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-3

and describing the interdependent development of their parts. The study analyses population change trends from 1990 to 2022 alongside the territory's migration patterns, employment trends and infrastructure development. The spatial approach is crucial in this context, owing to the natural variations within the macroregion, the suburban-peripheral contrasts and the growing role of the central cities. The study closely examines the eastern part of the macro-region, from Yaroslavl to Kirov. The compression of developed areas and the degradation of essential living conditions have been the most pronounced trends in the post-Soviet period, along with organisational and economic changes in key economic sectors. The study also explores how the impact of regional centres on surrounding areas changes with distance. It places emphasis on the shifting paradigm of agricultural land use under new institutional and economic conditions, the increasingly patchwork character of farming and the implications of the focus on animal husbandry. The work relies on analysing municipal-level statistical information and the extensive use of maps. Identifying both relatively successful and highly problematic areas within this vast macro-region can aid in devising new visions to enhance national and regional spatial development strategies.

Keywords:

spatial development, municipal area, centres, periphery, migration, employment, agriculture and forestry

References

1. Layzerovich, E. E. 2008, The course of population concentration in the central parts of the subjects of the Russian Federation after 1990, *The transformation of the Russian space: socio-economic and natural resource factors (multi-scale analysis)*, M., MARS, p. 173–181. EDN: TJWXOI
2. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2024, Spatial development strategy of Russia: update vectors, *Geographical Bulletin*, № 1, p. 15–26. EDN: IVYTNO
3. Pokrovsky, N. E., Nefedova, T. G. (eds.). 2016, *The Ecumene of the Near North of Russia*, M., University Book. EDN: ZUYFTB
4. Nefedova, T. G. 2019, Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia, *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 15, № 4, p. 36–56, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
5. Nefedova, T. G., Starikova, A. V. (eds.). 2021, Old-developed regions in the sociogeographic space of Russia: history and contemporaneity, M., Association of Scientific Publications of the KMK.
6. Druzhinin, P. V. 2022, The Resource Concentration in Moscow: Impact on the Economy of the Central Federal District, *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 18, № 3, p. 115–140, <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
7. Shvarts, E. A., Shmatkov, N. M., Karpachevsky, M. L., Baibar, A. S. 2022, Challenges and problems of reforming the forestry sector in Russia, *Izvestia Sankt-Peterburgskoj lesotekhnicheskoy akademii*, № 241, p. 157–172. EDN: SVWNKT
8. Mkrtchyan, N. V., Karachurnia, L. B. 2014, The Baltics and Russian North-West: the core and the periphery in the 2000s, *Baltic Region*, № 2, p. 48–62, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-2-4>
9. Tolstoguzov, O. V. 2022, Structural changes in the economy of the Russian north-west regions: institutional factor, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 56–74, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-4>
10. Nefedova, T. G., Treyvish, A. I. 2020, Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions, *Demographic Review*, vol. 7, № 2, p. 31–53, <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
11. Ioffe, G. V., Nefedova, T. G. 2001, Center and periphery in agriculture of Russian regions, *Problems of Forecasting*, № 6, p. 100–110. EDN: HRTOVB

12. Rumjancev, I. N., Smirnova, A. A., Tkachenko, A. A. 2019, Rural settlements “without population” as a geographical and statistical phenomenon, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Geografiya*, № 1, p. 29—27. EDN: YZNKWT
13. Tkachenko, A. A., Smirnov, I. P., Smirnova, A. A. 2019, Transformation of the rural settlement centers network in a municipal district of central Russia, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Geografiya*, № 2, p. 78—85.
14. Averkieva, K., Nefedova, T., Kondakova, T. 2021, Spatial socio-economic polarization in the central developed regions of Russia: the case of Yaroslavl Oblast, *Universe of Russia*, vol. 30, № 1, p. 49—66, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-49-66>
15. Popov, A. V., Solovyova, T. S., Korolenko, A. V., Gruzdeva, M. A. (eds.). 2024, *Cities and rural periphery of modern Russia: key trends and risks of employment transformation in the perspective of spatial development of territories*, Vologda, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
16. Nefedova, T. G., Treivish, A. I. 2019, Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 9, № 1, p. 1—11, <https://doi.org/10.1134/S2079970519010088>
17. Karachurina, L. B., Mkrtychan, N. V. 2016, Role of migration in enhancing contrasts of settlement pattern at municipal level in Russia, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 46—59, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
18. Mkrtychyan, N. V. 2019, Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economics*, vol. 3, № 1, p. 39—52, <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
19. Mkrtychyan, N. V. 2018, Regional capitals and their suburbs in Russia: net migration patterns, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 6, p. 26—38, <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
20. Averkieva, K. V. 2017, Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region, *Russian Peasant Studies*, vol. 2, № 4, p. 86—106, <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2017-2-4-86-106>
21. Gunko, M. S., Pivovarov, G. A., Averkieva, K. V. 2019, Renewal of small cities in European Russia (case study of Borovichi, Vyksa, Rostov), *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 18—31, <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019518-31>
22. Nefedova, T. G., Averkieva, K. V., Makhrova, A. G. (eds.). 2016, *Between the home and... home. Return spatial mobility of population in Russian*, M., New Chronograph.
23. Sheludkov, A., Starikova, A. 2021, Night-time light satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast), *Regional Science Policy and Practice*, vol. 44, № 4, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>
24. Meyfroidt, P., Schierhorn, F., Prishchepov, A., Müller, D., Kuemmerle, T. 2016, Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan, *Global Environmental Change*, vol. 37, p. 1—15, <https://doi.org/10.1016/J.GLOEN-VCHA.2016.01.003>
25. Medvedev, A. A. 2022, The Fields and Farms of Central Russia as Seen from Space, *Regional Research of Russia*, vol. 12, suppl. 1, p. S65—S73, <https://doi.org/10.1134/S2079970522700344>
26. Uzun, V. Ya., Shagaida, N. I., Gataulina, E. A., Shishkina, E. A. 2022, *The holdingization of agribusiness in Russia*, M., Publishing House DELO. RANEP. EDN: LRJRSF
27. Belyaeva, M. 2024, *The chips are flying. How the logging industry is organized in the Vologda region*, M., Common Place, Khamovniki Social Research Support Fund. 192 p.
28. Glezer, O. B. 2016, The ongoing municipal reform in Russia and innovations 2014—2015, *Russia 2016: Annual report of the Franco-Russian analytical center Observo*, M., Observo, p. 373—386. EDN: WYTPJF
29. Treivish, A. I., Glezer, O. B., Nefedova, T. G. 2021, Old-developed areas in the waves of municipal reform, in: Nefedova, T. G., Starikova, A. V. (eds.), 2021, *Old-developed regions in the sociogeographic space of Russia: history and contemporaneity*, M., Association of Scientific Publications of the KMK, p. 68—77.
30. Nefedova, T., Baskin, L., Pokrovsky, N. 2021, Evolution of Socio-Economic Space in the Local Rural Areas in the Near North (case of the Manturovsky district of the Kostroma region), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, № 12, p. 124—134, <https://doi.org/10.31857/S013216250016852-0>

The author

Prof Tatyana G. Nefedova, Chief Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: trene12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6511-1938>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))